

*Евгений Сиверцев*¹

ЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СУИЦИДА

Аннотация. Суицидология — наука о способах предотвращения самоубийства — обращается к результатам исследований многих отраслей знания. Доминирующими в предметной области суицидологии являются социально-гуманитарные дисциплины. Как представляется, применение в суицидологии логического знания поможет выявить общие особенности логических конструкций, следствием использования которых может стать непоправимый шаг. В докладе обращается внимание на то обстоятельство, что разные люди могут по-разному использовать логические категории и по-разному применять логические законы. Главная причина такого различия — допущение логических ошибок, которые могут быть не замечены самим человеком, находящимся в кризисном состоянии, но должны быть выявлены теми, кто пытается данному человеку помочь.

Ключевые слова: суицид, лингвистика, логика, реальность.

Evgenii Sivertsev

LOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF SUICIDE

Abstract. Suicidology—the study of ways to prevent suicide—refers to the results of research in many branches of knowledge. Social and humanitarian disciplines are dominant in the subject area of suicidology. It seems that the application of logical knowledge to suicidology will help identify common features of logical constructions the use of which may result in an irreparable choice. The article draws attention to the fact that different people can use logical categories and apply logical laws in different ways. The main reason for this difference is the commitment of logical errors that may pass unnoticed by the person who is in a state of crisis, but should be identified by those who are trying to help that person.

Keywords: suicide, linguistics, logic, reality.

Для цитирования: *Сиверцев Е. Ю.* Логический и лингвистический аспекты суицида // *Логико-философские штудии.* 2022. Т. 20, № 3. С. 317–320. DOI: 10.52119/LPHS.2022.23.81.012.

Современная суицидология — комплексная мультидисциплинарная наука «по изучению суицидального (...) поведения» (Ефремов 2004: 17), она использует результаты, полученные во многих научных дисциплинах — психиатрии, психологии, юриспруденции, социологии, логики (см. там же).

¹ *Сиверцев Евгений Юрьевич* — кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Evgenii Sivertsev, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.
emden1914@mail.ru

Одной из важнейших задач суицидологии является исследование причин, побуждающих людей добровольно прерывать своё физическое существование. Как представляется, исследователи сосредотачиваются большей частью на социологической (Э. Дюркгейм, Х. Хензелер), психологической (З. Фрейд, К. А. Меннингер, Н. А. Бердяев, К. Ясперс) и психопатологической (психиатрическая суицидология) стороне данной проблемы. Не сомневаясь в важности подобных исследований, необходимо добавить к ним ещё одно направление поиска. Тематика данного направления возникает из обдумывания следующего обстоятельства: число людей, пребывающих в трудных социальных условиях и испытывающих психологические проблемы, существенно больше числа людей, принявших решение уйти из жизни. В чём причина такого несоответствия? Почему, к счастью, большинство жителей Земли, попавших в затруднительные жизненные обстоятельства, сохраняет свою жизнь? Наверное, кроме социальных, психологических и психопатологических причин, у суицида есть и иные мотивы. Таких мотивов может быть много, мы остановим своё внимание на некоторых особенностях рационального восприятия и анализа мира, свойственных человеку, задумавшему непоправимый шаг.

Впервые к исследованию названных особенностей обращается основатель современной суицидологии, американский психиатр Эдвин Шнейдман (1918–2009). Говоря о человеческом мышлении в самом общем плане, Шнейдман исходит из того, что личная мысль «на самом деле является итогом сложного комплекса социальных и эволютивных актов адаптации, реализующихся в активной окружающей среде» (Шнейдман 2001: 60). Акты адаптации сформировали логические и лингвистические законы, которым подчиняется наше рациональное мышление. Но законы эти действуют не так, как законы физики: они допускают определённую свободу в построении мысленных конструкций. Данная свобода необходима для того, чтобы человек мог приспособливаться к определённой ситуации. Человек может допускать и осуществлять когнитивное маневрирование. Маневрирование это необходимо, в конечном итоге, для того, чтобы сохранить свою жизнь. Но в некоторых случаях маневрирование может иметь цель противоположную — доказать самому себе необходимость расставания с жизнью. В книге «Душа самоубийцы» читаем: «я обнаружил, что самоубийство имеет „логический смысл“ для совершающего его человека, проявляющийся в специфических обстоятельствах и в индивидуальном характерном стиле рассуждений» (там же: 58). Человек, находящийся в «предсуицидальном состоянии» (см. Ефремов 2004: 164), склонен к построению умственных конструкций, доказывающих, по его мнению, необходимость ухода из жизни. Как осуществляется такое построение?

Для ответа на вопрос обратимся сначала к лингвистике, а потом к логике.

С точки зрения традиционной науки, язык является лишь средством выражения независимых от него мыслей, средством передачи независимой от него информации. Но современная лингвистика и, вслед за нею, Шнейдман трактует язык не так упрощённо, и трактовка эта — удачный пример использования достижений

лингвистики для решения конкретных научных и практических проблем.

Поиск в указанном направлении начинается с упоминания так называемой «гипотезы лингвистической относительности», или «гипотезы Сепира — Уорфа» (Рузавин 1997: 27). Шнейдман приводит данную гипотезу в формулировке американского экономиста и писателя Стюарта Чейза: «Все высшие уровни мышления зависят от языка; а структура языка, обычно используемого человеком, в свою очередь, влияет на его образ мыслей, на то, как он понимает свое окружение. Картина мироздания меняется от языка к языку» (Шнейдман 2001: 57). Собственно формулировка гипотезы Сепира — Уорфа существует в двух версиях: строгой (сильной) и мягкой. Строгая такова: индивиды членят мир на фрагменты, предопределяемые структурой их родного языка. Соответственно, когнитивные категории ограничиваются и определяются лингвистическими категориями. Мягкая гласит: мышление определяется лингвистическими категориями, но на него также влияют традиции и некоторые виды неязыкового поведения.

Что из этих идей может быть интересно с точки зрения суицидологии? Сами авторы данной концепции говорят о разных мирах, которые образуются у разных народностей по причине различия их языков. Т. е. миры, в которых живут различные языковые общества, — это различные миры, а не просто один и тот же мир, к которому приклеены разные этикетки. Но что получится, если мысленно провести замену, так что народность, языковое сообщество будет заменены на индивида? Тогда вполне возможно следующее предположение: в определённых ситуациях люди способны воспринимать некоторые слова или словесные конструкции как чрезвычайно негативизирующие мир (или фрагмент его), а также как негативизирующие отношение мира к себе. И такое восприятие видится им единственно истинным. С точки зрения здравого смысла, истинность здесь мнимая, но слова уже стали источником определённых настроений, которые могут перейти в действия. Т. е. человек, попавший в трудную житейскую ситуацию и переживающий острую душевную боль («психалгию») в пока ещё лёгкой, начальной форме, может, встретившись с определённой фразой языка, перейти в более острую фазу психалгии, а тот, кто в этой фазе уже находится, может по прочтении совершить непоправимое.

Попытки Шнейдмана проникнуть в *логическую* составляющую менталитета потенциального самоубийцы приводят к следующим соображениям. Эти соображения по сути представляют собой описание логических отклонений от нормы, которые самому субъекту отклонениями совсем не кажутся.

Первое отклонение названо «идиологика». Используемый здесь греческий корень «идиос» значит собственный, свой, сам по себе. Человек, находящийся в кризисном состоянии, имеет пониженную способность фиксирования логических ошибок. Если, например, в обычном состоянии он понимает, что аргументация от общего мнения (Рузавин 1997: 156) «все знают, что...» не может быть средством доказательства, то в состоянии кризиса он вполне готов согласиться с тем, что

ему подсказывается общим мнением.

Второе отклонение — «контралогика». Итогом осуществления идиологии становится целостная картина мира, построенная с применением откорректированных логических правил, иными словами — искажённая реальность, созданная в соответствии с настроениями.

Последнее отклонение именуется «педагогика». Это, по сути, не отклонение, а указание путей недопущения появления первых двух. Уже сам термин указывает на корректирующую направленность. И действительно: «Педагогика отвечает на вопрос, каким образом лучше всего обучать, воспитывать и общаться — или же, наоборот, запутывать, обходить или вводить в заблуждение человека, учитывая особенности его логики» (Шнейдман 2001: 61).

Итог проделанного нами анализа таков. Сами по себе логика и язык не могут влиять на объективные обстоятельства. Однако это вовсе не значит, что логико-лингвистическое пространство является нейтральным в смысложизненном и аксиологическом отношении. Логика и язык, будучи преобразованными в сознании человека, находящегося в кризисной ситуации, приобретают возможность определённым образом формировать понимание им текущих обстоятельств и побуждать к очень опасным для жизни деяниям.

Литература

- Бородай 2020 — *Бородай С. Ю.* Язык и познание. Введение в пострелятивизм. М.: ООО «Садра», Языки славянских культур, 2020.
- Ефремов 2004 — *Ефремов В. С.* Основы суицидологии. СПб.: Диалект, 2004.
- Рузавин 1997 — *Рузавин Г. И.* Логика и аргументация. М.: Культура и спорт; ЮНИТИ, 1997.
- Шнейдман 2001 — *Шнейдман Э.* Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001.